М.А.Корец и Л.Д.Ландау в кольце харьковских спецслужб

Ю.Н.Ранюк,
доктор физико-математических наук
Харьковский физико-технический институт

Известно, что арест Л.Д.Ландау, произведенный в Москве в 1938 г., и тюремное заключение, продолжавшееся в течение года, были связаны с так называемой «антисоветской» листовкой, написанной им вместе со своим близким другом, тоже физиком, М.А.Корецом, который получил по этому «делу» полный срок и вернулся только через 18 лет.

Листовка призывала к свержению Сталина, ставя знак равенства между сталинизмом и фашизмом, но при этом вовсе не была антисоветской. И Ландау, и Корец в ту пору исповедовали веру в социализм. Похоже, тогда они еще были убеждены, что в идеале советская власть — наиболее совершенный тип правления, и считали, что существуют способы снять расхождения идеала с практикой, — позиция, ставшая спустя годы государственной.

В пору пропаганды «социализма с человеческим лицом» «дело» Ландау было извлечено из Архива КГБ и почти полностью опубликовано в «Известиях ЦК КПСС» (1991. №3). Вслед за этим в «Природе» (1991. №11) появилась статья Г.Е.Горелика, также изучившего это «дело», если можно так сказать, в подлиннике и представившего его разносторонний анализ.

Горелик не в последнюю очередь обращает внимание на то, что следствие по делу Ландау велось с несколько неожиданным уклоном. Несмотря на вопиющую крамолу, содержащуюся в листовке (одна подпись чего стоит: «Московский комитет антифашистской рабочей партии»), следователи пытались сфабриковать версию антиправительственного заговора на других фактах. Их интересовали не московские события, а то, что происходило в Украинском физико-техническом институте (УФТИ), в Харькове, где Ландау и Корец работали до 1937 г. и откуда, попросту говоря, бежали.

Воспроизводимая здесь статья Ю.Н.Ранюка уже печаталась в нашем журнале (1995. №12), но оказалась очень уместной в номере, посвященном 100-летию Ландау, и мы решились на повторную публикацию. Статья ведет нас к порогу харьковской драмы, к моменту, когда появились первые признаки пожара, в котором сгорел выдающийся физик-экспериментатор Л.В.Шубников, а вместе с ним его коллеги В.С.Горский и Л.В.Розенкевич, тяжело пострадали И.В.Обреимов, А.Вайсберг, Ф.Хоутерманс* и другие сотрудники УФТИ. Сигналом к началу этой акции государственного террора послужил первый, харьковский арест Кореца, за которым, в конце 1936 г., последовало увольнение Ландау из университета. В знак протеста университет покинул и Шубников, направив 27 декабря ректору письмо, в котором назвал Ландау самым крупным физиком-теоретиком страны, ученым с мировым именем, и заявил, что в условиях такой необоснованной травли оставаться работать не считает возможным. «Прошу о немедленном увольнении», — писал Шубников, который сам стоял на краю пропасти.

В дополнение к тому, что будет сказано, нельзя не отметить, что последние двадцать с лишним лет жизни Моисея Абрамовича Кореца были тесно связаны с «Природой». С 1958 г. и до начала 80-х он работал редактором в отделе физики журнала. Старожилы вспоминают его как энциклопедически образованного, в высшей степени доброжелательного и безусловно порядочного человека, помнят и его необыкновенные чувства уважения и привязанности к Ландау.

* Фридрих Хоутерманс (1903—1966), немецкий физик, эмигрировавший в СССР после прихода к власти нацистов, был в 1937 г. арестован в Харькове и приговорен к тюремному заключению. Во время войны вновь оказался в Германии. Его необычная судьба выглядела почти детективной. Но тайны развеялись, когда вышла книга выдающегося историка науки В.Я.Френкеля (к сожалению, уже после его смерти) «Профессор Фридрих Хоутерманс: работы, жизнь, судьба» (СПб., 1997).

Теперь уже почти забыта полная драматизма история Украинского физико-технического института 1935—1936 гг. Арест в 1935 г. молодого сотрудника института Моисея Абрамовича Кореца стал кульминационным моментом конфронтации, которая жестоко разделила институт на две враждебные группировки. В борьбе за освобождение Кореца приняли участие такие видные ученые, как Л.Д.Ландау, Л.В.Шубников, И.В.Обреимов и другие. «Дело Кореца» содержало в себе зародыш репрессий 1937—1938 гг., когда почти все более или менее видные ученые УФТИ были арестованы.

В основу статьи положены документы, которые сохранились в архивах Харьковского областного управления КГБ и Харьковского обкома КПСС*. Кроме того, в ней использованы воспоминания бывшего сотрудника УФТИ и активного участника описываемых событий Александра Семеновича Вайсберга**. (К сожалению, архивы УФТИ довоенного периода не сохранились.)

УФТИ накануне разгрома

Итак, в апреле 1934 г. директор УФТИ Александр Ильич Лейпунский выезжает по командировке Наркомтяжпрома на стажировку в Германию и Англию. На его место назначается никому не известный и непонятно откуда взявшийся Семен Абрамович Давидович. (Произошло это 1 декабря 1934 г., в день убийства С.М.Кирова.) Вскоре, в марте 1935 г., институту был поручен ряд технических заказов, имеющих военное значение: разработка мощных генераторов коротких волн, авиационного двигателя с жидководородным топливом и др.

Как только стало известно, что институт будет заниматься оборонной тематикой, Харьковское управление НКВД и Обком партии немедленно занялись разработкой мероприятий, обеспечивающих режим секретности. УФТИ становится прообразом будущих почтовых ящиков.

Научные сотрудники, а особенно научные руководители, встретили новые порядки в штыки. Ольга Николаевна Трапезникова (жена Льва Васильевича Шубникова) вспоминает, что она прикрепляла свой пропуск к ошейнику собаки, которая ходила вместе с ней на работу. (Об этом она пишет во вступлении к книге: *Шубников Л.В.* Избранные труды, воспоминания. Киев, 1990. С.288.) Ландау и Хоутерманс цепляли пропуска к спине, а то и пониже, выражая тем самым свой протест. Кроме усиления охраны и учреждения секретного отдела, был составлен список подлежащих увольнению лиц, не пользующихся политическим доверием. В список, естественно, попали, кроме прочих, иностранные специалисты, в том числе и Вайсберг.

Видные ученые института, которые определяли научную политику, с самого начала в военной тематике не участвовали. Возможно, они отказались сами. А может быть, их отстранил директор.

Военная тематика стала приоритетной (в частности, занятым в ней сотрудникам платили зарплату выше, чем другим). Институт раскололся на два лагеря, каждый из которых имел своих покровителей. С одной стороны оказалось научное руководство, поддерживаемое Наркомтяжпромом в лице Пятакова и Бухарина, а также некоторыми членами ЦК ВКП(б). По другую сторону баррикад находились директор института, партийная и профсоюзная организации, а также Харьковское управление НВКД и Обком партии.

Вот что пишет свидетель и участник тех событий А.С.Вайсберг в своей книге «Большая чистка»:

«Дела в институте шли все хуже и хуже. Наконец, ведущие сотрудники института приняли решение прекратить дальнейший развал работы. Они собрались вместе и написали заявление в ЦК партии с просьбой отозвать Давидовича и вновь доверить руководство институтом Лейпунскому...

Колебалась не только партийная организация УФТИ, колебался также харьковский НКВД, стоящий на стороне Давидовича, и очень осторожно брался за дело. Давидович требовал, чтобы кого-нибудь арестовали. Но тогда еще не решались трогать Ландау, всемирно известного ученого, или арестовать меня, иностранца. (Двумя годами позже с особым удовольствием стали арестовывать именно иностранцев.) Они выискивали в нашей группе самого незащищенного человека. Им оказался молодой аспирант по фамилии Корец, работавший у Ландау. Корец боготворил Ландау и с большим азартом участвовал в борьбе с Давидовичем. Он якобы утаил свое социальное происхождение. Корец при поступлении в институт передал комсомольской организации свою полную автобиографию, а вторую, краткую, — в институт. В полной автобиографии он упомянул, что во время гражданской войны его мать, борясь с нуждой, недолго занималась торговлей. В действительности же она продавала на рынке картошку и яблоки, которые приносила на себе из деревни в Свердловск. На эти доходы одинокая женщина растила двоих детей. В краткой биографии, написанной для института, Корец опустил эту деталь. В конце концов институт был административ-

---

* Дело № 7771 по обвинению Кореца Моисея Абрамовича по ст.97 УК УССР (архивный №09391). Архив Харьковского областного управления КГБ. Протоколы заседаний Харьковского обкома КП(б)У. Харьковский областной партархив. Ф.2. Оп.1. Д.325. Л.52.

** Weissberg A. The Accused. Politcrimes and Offence in Russia. N.Y., 1951; Wielka czystka // Czytelnik. Warszawa. 1990. С.210—218.

У входа в лабораторный корпус УФТИ. Первый ряд: Л.В.Шубников, А.И.Лейпунский, Л.Д.Ландау, П.Л.Капица. Второй ряд: Б.Н.Финкельштейн, О.Н.Трапезникова, К.Д.Синельников, Ю.Н.Рябинин. 1934 г.

В тот же день в криогенной лаборатории. Слева от П.Л.Капицы и Л.В.Шубникова — Л.Ф.Верещагин и Ю.Н.Рябинин.

ной, а не политической организацией. Давидович пытался через Кореца добраться до нашей группы.

Он передал дело в партком, и Корец был исключен из комсомола как «классово чуждый элемент», скрывший свое буржуазное происхождение. Это не удовлетворило Давидовича. Ему хотелось нас запугать. Позже, через несколько недель, Корец был арестован. Это действительно парализовало инициативу нашей группы. Ландау был единственным, кто не сломался. Мои друзья полагали, что теперь и я находился в очень опасном положении».

Научные руководители УФТИ в своих письмах требовали срочного возвращения находившегося на стажировке в Англии Лейпунского. Он был в курсе происходящего (его об этом постоянно информировали письмами А.С.Вайсберг и Л.Д.Ландау), и осенью 1935 г. приехал в Харьков. 29 ноября он вновь назначается директором УФТИ вместо Давидовича. Соответствующий приказ по институту был издан 1 декабря. По времени это совпало с арестом Кореца.

«Произведенными действиями установлено...»

В Архиве Харьковского областного управления КГБ хранится «Постановление по делу 7771», где оперуполномоченный сообщает о необходимости

привлечь Кореца М.А. в качестве обвиняемого, поскольку «произведенными действиями установлено, что Корец М.А. является участником контрреволюционной подпольной группы, проводит разложенческую работу среди сотрудников УФТИ и занимается контрреволюционной агитацией».

При обыске 27 ноября 1935 г. были изъяты паспорт, письма, профбилет, записные книжки. На протоколе обыска есть подпись венгерского физика-теоретика Л.Тиссы, работавшего в то время в УФТИ.

В «Анкете арестованного» приведены следующие сведения:

«**1.** Корец
2. Моисей Абрамович
3. 12 ноября 1908 г.
4. г. Севастополь, Ялтинская улица
5. Харьков, Чайковского 16, кв. 21
6. научный работник, физик
7. УФТИ, университет
8. Паспорт выдан в Свердловске, прописан в Харькове 5.04.35 г.
9. Отец кустарь, до революции имел мастерскую по ремонту часов, имел одного ученика
10. а) жил при родных
б) учился
11. Высшее, физик
12. Состоял в ВЛКСМ с 1926 по ноябрь 1935 г., исключен за отрыв от комсомола и сокрытие соцпроисхождения
13. Еврей, гражданин СССР
14. Жена Эпштейн Элеонора Лазаревна, две маленькие дочери, отец — Абрам Моисеевич, мастер «Коопчас», мать Корец Слава Филипповна, проживает в г.Воронеж.

Арестован 28.11.35,
2-е отделение
спецкорпус ХОУ НКВД».

«Через несколько дней после ареста на открытом общеинститутском собрании началась проработка Кореца, — свидетельствует А.С.Вайсберг. — Один за другим поднимались сотрудники института и с глубоким негодованием говорили о тайном враге, шпионе, который прокрался в институт. Я долго колебался, идти или не идти на собрание. Комаров, который как старый коммунист хорошо знал настроения в партии и внутренне был на нашей стороне, уговорил меня пойти. Он сказал: “Алекс, если ты сегодня не пойдешь, то, возможно, тебя арестуют или, в лучшем случае, вышлют из страны. Этот конфликт будет решаться не в Харькове, последнее слово скажет ЦК в Москве. Нет никакого смысла демонстративно не идти на собрание. ГПУ воспримет это как провокацию. Давидович только этого и ждет. Не доставляй ему удовольствия”.

Я подчинился и пошел на собрание, при голосовании поднял руку за резолюцию, осуждающую Кореца. И теперь, когда я пишу эти строки, меня жжет чувство стыда. За все время моего членства в партии и пребывания в Советском Союзе я не совершил более злого поступка и осознаю это».

Этот поступок, кстати говоря, не избавил Вайсберга от ареста, а Комарова — от расстрела.

А вот «Характеристика», данная руководством Института:

«...В УФТИ Корец прибыл из Уральского физико-технического института 13.03.35 г. и поступил на работу инженером теоретической группы, на этой должности он работал до 14.11.35 г., т.е. до увольнения из института за сокрытие соцпроисхождения. Как специалист-физик Корец для УФТИ ценности не представлял... Был активным участником группы, борьба которой против дирекции и оборонных работников ударяла по выполнению оборонной тематики УФТИ. Корец, прикрываясь комсомольским билетом, активнейшим образом сколачивал эту группу, создавая впечатление согласованности действий этой группы с комсомольской и партийной организациями. Он выдвигал положение, что научный уровень УФТИ снижается, так как много ведется работ технического характера (в то время были получены распоряжения об увеличении работ оборонного порядка), требовал снижения зарплаты сотрудникам, выполнявшим оборонные задания, отстаивая уравниловку в зарплате, высмеивал работников, выполнявших оборонные задания и т.д. Вообще работа Кореца была направлена на срыв тем. фин. плана и, в частности, заданий оборонного значения.

Директор УФТИ
Секретарь ПК
Председатель МК»

Показания

Из протокола допроса М.А.Кореца от 9 декабря 1935 г.:

«**Вопрос.** Следствием установлено, что вы, будучи на работе в УФТИ, проводили работу, направленную к срыву заданий, имеющих оборонное значение, детализируйте следствию эти данные.

Ответ. Никакой работы по срыву оборонных заданий в УФТИ я не проводил. По вопросу же реорганизации нашего института, т.е. разделения его на три института, я вел разговоры со своими научными работниками, считая, что это является положительной стороной моего предложения, этот разговор я вел с научным работником Ландау и др.».

22 декабря 1935 г.:

«**Вопрос.** Вам предъявляется обвинение в том, что, будучи работником УФТИ, злоупотребляли своим служебным положением, проводили работу против выполнения институтом заданий оборонного значения, заявляя, что спецоборонная работа снижает теоретический его уровень, требуя снижения зарплаты работникам, занятым на спецоборонной работе, группируя на этой почве вокруг себя других лиц, а также иностранных специалистов, т.е. в совершении вами преступлений, предусмотренных ст.97 УК УССР, признаете ли вы себя [в] этом виновным?

Л.Д.Ландау в харьковский период (предположительно).

Ответ. Виновным себя в предъявленном мне обвинении, т.е. в совершении мною преступлений, предусмотренных ст.97 УК УССР, я не признаю, что же касается моих разговоров против выполнения оборонной работы, то я такие разговоры вел, только не против ее выполнения, а против той организации руководства выполнением оборонной работы, которую организовало руководство института, в частности, директор института Давидович и, по моему мнению, такая организация снижала как теоретический уровень института, так и качество выполнения самой оборонной работы...».

Из протокола допроса свидетеля Пятигорского от 5 декабря 1935 г.:

«**Вопрос.** Что вам известно о контрреволюционной деятельности Кореца и его связях?

Ответ. Мне известно, что в нашем институте существовала антисоветская группировка, в состав которой входили Корец, Ландау, Шубников, иностранно-подданные, прибывшие из Германии, Вайсберг и Руэманны, прибывшие тоже из Германии.

Все вышеупомянутые лица были тесно связаны между собой и проводили в институте работу по срыву выполнения специальных заданий оборонного значения, причем все это они маскировали внешне под видом личных недовольств руководством института и дирекцией.

Вопрос. Какие факты вам известны?

Ответ. Факты срыва таких заданий мне лично неизвестны, но факты агитации за саботаж выполнения оборонных мероприятий мне известны от отдельных лиц группировки. К примеру:

В конце с.г. меня встретил по дороге Вайсберг и предложил зайти с ним в кафе поговорить, "я вас угощу", я, не отказавшись, зашел.

Вайсберг сразу начал мне высказывать недовольство своим служебным положением, говоря, что в нашем институте сейчас очень тяжелое положение и он идет к развалу, потому что руководство института, а особенно партийцы не подходят к этой работе, и они тянут институт вниз, а не вверх, и что работы оборонного значения были бывшим зам. директора Геем в Москве выпрошены, а поэтому единственный выход из создавшегося положения — это иметь в институте партийцев рабочих, которые не мешали бы в работе.

В таком же духе со мной вел целенаправленные разговоры и Ландау, говоря, что научные работники-партийцы, которые стоят во главе института, хотят развалить работу института, а для этого они набрали заданий оборонного значения, что снижает общий уровень института...

С Корец в последнее время был в наилучших отношениях».

Из протокола допроса свидетеля Давидовича:

«Бывший сотрудник института Корец... начал группировать вокруг себя отдельных специалистов, особенно иностранно-подданных, как Вайсберг и др., выдвигая под видом улучшения работы института идею о его разделении на три самостоятельные единицы, что выполнение спецзаданий институтом тянет его с научной стороны вниз, нам надо больше заниматься теоретическими работами, под таким видом Корец вел все время среди научных работников разложенческую работу, все свое внимание сосредоточив на дискредитации руководства института...»

Свидетель Кравченко показал:

«...Борясь против оборонной тематики, группа научных работников вместе с Корецом часто собиралась на квартирах и обсуждала какие-то положения программы борьбы против дирекции... За три-четыре месяца эта группа беспрерывно держала институт в лихорадке, что очень сильно отразилось на сроках выполнения правительственных заданий, и только благодаря большевистской бдительности дирекции и спецработников они не были сорваны».

В итоге Корец был обвинен в том, что «проводил дезорганизаторскую работу среди сотрудников института по срыву выполнения заданий оборонного значения». Суд, состоявшийся 26 февраля 1936 г., приговорил его к «лишению свободы в общих местах заключения сроком на один год».

Письмо Ландау в защиту Кореца

Тем временем друзья Кореца предпринимали все возможное, чтобы вызволить его из беды. Одно из документальных доказательств сохранилось. Это письмо Ландау, адресованное наркому внутренних дел Украины Балицкому (получившему прозвище Гильотина Украины). Вот оно:

«31.12.35 г.

Уважаемый товарищ Балицкий!

Обращаюсь к Вам с просьбой вмешаться в разбор дела сотрудника Украинского физико-технического института инженера Кореца, арестованного 28 ноября с.г. Тов. Корец был в течение последнего года моим ближайшим сотрудником. Я хорошо знал его в личной жизни как человека, бесконечно преданного советской власти. Вместе с ним мы поставили себе задачу сделать все, что в наших силах для того, чтобы сделать науку в нашей стране первой в мире. Я совершенно не могу себе представить, чтобы этот человек мог сделать что-либо враждебное политике партии. Мне не удалось узнать что-нибудь определенное о причинах его ареста. Я не могу не связать его с деятельностью бывшего директора Давидовича. Внутри института Давидовичем была создана атмосфера грязных интриг и грубой травли. Большинство основных сотрудников института считают, что Давидович разваливает институт, и возбуждали перед центральными органами просьбу о его снятии. В ответ на это Давидович пытался всюду и везде представить дело так, что сотрудники института борются не с ним, а с порученными институту спецработами. В частности, такие обвинения Давидович распространял по отношению ко мне и поэтому я с полной ответственностью могу утверждать, что они представляют собой грубую ложь, не имеющую никакого обоснования в реальной действительности. В настоящее время эти возмутительные обвинения отпали со снятием Давидовича и назначением ЦК ВКП(б) на его место Лейпунского. Я не сомневаюсь в том, что Давидович и его помощники могли систематически вводить в заблуждение органы НКВД, не считая удобным слишком грубо клеветать на меня, старались представить в виде главы заговора моего ближайшего сотрудника и помощника. Вся деятельность товарища Кореца в УФТИ происходила на моих глазах, и я готов в любое время дать исчерпывающие показания по его поводу. Я очень просил бы Вас, если Вы найдете это возможным, предоставить мне случай в личной беседе с Вами переговорить о деле Кореца.

Научный руководитель теоретического отдела УФТИ ЛДЛандау

Харьков, Чайковского 16»

13 мая 1936 г. спецкомиссия Харьковского областного суда заново рассматривала «дело Кореца» и нашла следующее:

«1). Что директор института Давидович впервые высказался в июне месяце 1935 года за разделение института на две части, из которых одна часть института занималась бы вопросами военной тематики.

2). Что Давидович сам внес разложение в среду научных работников своим неумелым руководством, грубо обращался с научными сотрудниками.

3). Что подсудимый Корец никогда не проводил работы к срыву оборонных заданий, что могут подтвердить бывший секретарь парткомитета Музыканский Семен Петрович и научный работник института Лифшиц Евгений Михайлович...»

Дело было послано на доследование, и лейтенант госбезопасности Фрей (один из антигероев повести И.Багряного «Сад Гефсиманский») на сей раз будто бы «нашел, что проведенными дополнительными следственными мероприятиями по делу Кореца материалов в достаточной мере по привлечению его в качестве обвиняемого не добыто». Дело было прекращено.

Научные руководители УФТИ могли праздновать победу. При поддержке Наркомтяжпрома и ЦК им удалось практически по всем пунктам добиться своего: Давидович на посту директора был заменен Лейпунским, Корец освобожден из тюрьмы

М.А.Корец в 1935 г.

и восстановлен на работе в институте. Противная сторона — Харьковские НКВД и Обком партии — вынуждены были временно капитулировать и оставить УФТИ в покое.

Краткое послесловие

Но... из Харькова в Воронежское НКВД отправилось сов. секретное сообщение:

«...В настоящее время мы приступили к ликвидации всей контрреволюционной вредительской группы в УФТИ и материалами следствия, полученными нами, установлено, что Корец является одним из активных участников указанной контрреволюционной группы и ближайшим другом руководителя этой группы троцкиста профессора Ландау.

Корец нами намечен к аресту.

Просим срочно установить Кореца М.А., взять его до ареста в активное агентурное обслуживание и информировать нас о всех добытых там материалах».

Отсюда становится понятным дальнейший ход событий — «агентурное обслуживание» Ландау и Кореца в Москве и их арест. ■